

14+

Чернышевский Николай Гаврилович

«Каждый
писатель, как
непознанный
мир»

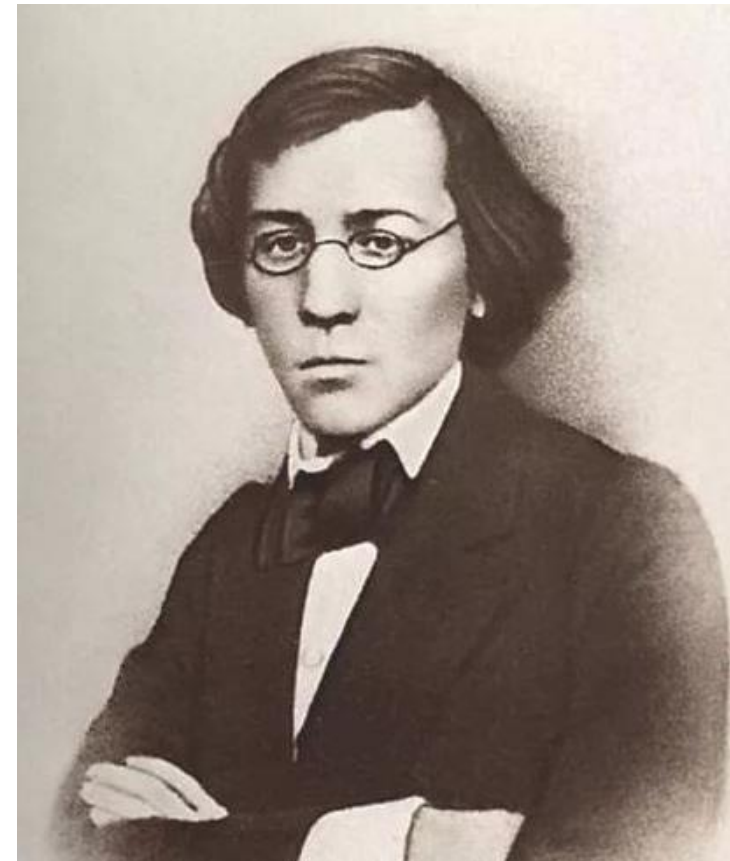
чтобы освободить страну от самодержавно-крепостнического деспотизма. Могучей фигурой «особенного человека», Рахметова, Чернышевский дал ответ на этот вопрос. Он первый в русской литературе создал образ революционера – теоретика и практика, готового к любой схватке, к любым испытаниям в борьбе.

Роман Чернышевского был новым словом в русской художественной литературе и по содержанию, и по форме. Чернышевский хотел написать свой роман, в котором ставились глубочайшие философские и политические вопросы, так, чтобы его «читали все, кто не читает ничего, кроме романов».

Многие мудрые изречения Чернышевского стали со временем афоризмами: «Дурные средства годятся только для дурной цели, а для хорошей годятся только хорошие», «Всё доброе полезно, всё дурное вредно», «Сила человека – разум, пренебрежение им ведёт к бессилию»...

Использованная литература:

Богословский, Н. В. Николай Гаврилович Чернышевский/ Н. В. Богословский. - М.: Молодая гвардия. - 1955. - 576 с.
<http://sivs.ru/viewtopic>

Ответственный за выпуск: директор МУК «БЦБС»

Р.И. Щеголькова

Составитель: заведующая ИМО Г.Г. Бакумова

Памятка для широкого круга читателей.

г. Благодарный
2018 г.

Чернышевский принадлежит к писателям, к которым время никогда не относилось равнодушно. С самых первых строк в «Современнике» в 1854 году, возвестивших о появлении в литературе талантливого писателя и до сегодняшнего дня вокруг его имени бурлят страсти. Мы пережили время безграничного превознесения Чернышевского, толкуемого в угоду официальной идеологии. Мы были свидетелями его полного забвения.

Чернышевский был влиятельным журналистом и писателем, ведущим автором и соредактором одного из замечательнейших журналов той поры «Современник», создателем знаменитого романа «Что делать?», всколыхнувшего всю отечественную литературу и вызвавшего к жизни крупное литературное движение, обусловленное возникновением особого жанра антиинигилистического романа. Необходимо изучать богатое наследие Чернышевского и его эпохи, несмотря на предубеждения и конъюнктуру, изучать от имени науки.

Днем 7 июля 1862 года в ворота Петропавловской крепости въехала черная карета, в которой жандармы привезли Николая Гавриловича Чернышевского, арестованного по приказанию царя.

Правительство Александра II уже давно замышляло расправу над революционером, писателем и ученым, нетерпеливо ожидая удобного предлога, чтобы пресечь его деятельность. Духовный вождь революционного поколения «шестидесятников», стоявший во главе «Современника» – лучшего журнала эпохи, был в глазах царского правительства наиболее опасным противником существовавшего строя. Его арест был предreshен.

Но и в стенах Петропавловской крепости в ожидании суда и приговора революционер не сложил оружия. Здесь, кроме знаменитого романа «Что делать?», ставшего настольной книгой борцов за свободу народа, Чернышевский написал более 200 печатных листов: повести, рассказы, научные трактаты, воспоминания... Он начал писать здесь и обширную автобиографию, задуманную очень широко, но выполненную только частично.

Отец Чернышевского Гавриил Иванович родился в семье дьякона села Чернышева Чембарского уезда Пензенской губернии. Фамилию свою он получил при поступлении в семинарию по названию родного села. Еще в детстве лишился он отца, и овдовевшая мать, не имея средств кормить и воспитывать сына,

привела его в грязных лаптях к тамбовскому архиерею и, кланяясь в ноги, со слезами на глазах просила не оставить ее. Из жалости Гавриила Чернышевского определили в тамбовское духовное училище на «казенный кошт». Мальчик вовсе не знал грамоты, но, видимо, жаждал учиться.

В духовном училище он пробыл до 1803 года, весьма успешно окончил его и был переведен в пензенскую семинарию. По окончании ее Гавриила Ивановича как лучшего ученика определили учителем греческого языка в той же пензенской семинарии. Затем последовали назначения его библиотекарем и учителем пиитического класса семинарии. В 1818 году в Саратове умер протоиерей Сергиевской церкви Е.И. Голубев и губернатор Саратова обратился к пензенскому архиерею с просьбой назначить на место Голубева «лучшего студента» из окончивших семинарию, с тем чтобы получивший назначение женился на дочери покойного протоиерея, губернатор добавлял, что просит прислать человека достойного, ученого, но небогатого, дабы тот взялся заодно преподавать науки губернаторским детям. Выбор архиерея пал на Г.И. Чернышевского, который вообще обращал на себя внимание как человек незаурядный.

Вскоре после свадьбы Гавриила Ивановича и Евгении Егоровны Голубевой состоялось и рукоположение его в священники «унаследованной» им Сергиевской церкви.

В приданое за Голубевой он получил дом на большом участке земли, спускавшемся от Сергиевской улицы вниз, к Волге.

Таким образом, преподаватель пензенской семинарии неожиданно для себя оказался возведенным в сан священника. Он вошел в семью, руководимую суровой и властной вдовой Голубева.

Выдав замуж старшую дочь Евгению, с целью оставить в «семейном владении» Сергиевскую церковь, Голубева вскоре выдала замуж и младшую дочь Александру. Если в первом случае ей был нужен кандидат в священники, то во втором она искала уже лицо дворянского происхождения. Не честолюбивые соображения толкали ее на это, а «житейская» необходимость. У Голубевых была многочисленная прислуга из крепостных, еще при «батюшке купленных», приобретение которых приходилось записывать на чужое имя, подыскивая подставное лицо дворянского звания. Женившись на Евгении Егоровне, Гавриил Иванович одинаково заботливо относился и к ней, и к младшей сестре ее – Александре.

После смерти Котляревского, первого мужа Александры

Егоровны, ее, двадцатилетнюю, с тремя детьми, мать вторично выдала замуж за дворянина Н.Д. Пыпина. Первоначально Пыпины и Чернышевские жили вместе, в одной квартире, а потом, с увеличением семьи, Пыпины поместились во флигеле на том же дворе. Семьи сестер были настолько дружны, что в сущности, как бы слились в одну семью, жившую общими интересами.

12 июля 1828 года Гавриил Иванович записал: «Поутру в 9 часов родился сын Николай». Пиршество, устроенное родителями в честь этого радостного события, надолго осталось в памяти саратовцев.

К этому времени Гавриил Иванович достиг известного положения в обществе: он был протоиереем, благочинным, членом консистории; но, как отмечал впоследствии сам Н.Г. Чернышевский, семейство его отца «не принадлежало даже и к среднему кругу губернского почета и блеска».

Семья не бедствовала, не нуждалась, но достаток поддерживался здесь непрерывной работой старших и носил довольно своеобразный характер. Хозяйственный уклад семей своего отца и Пыпиных Н.Г. Чернышевский в одном из своих писем сибирского периода называет безденежным. Было все жизненно необходимое, но не было денег.

Все старшие были постоянно заняты. Но Гавриил Иванович находил время заниматься воспитанием и обучением младших членов семьи. Он обучал свояченицу не только французскому, но и греческому языку. Племянницы, сын, племянник А.Н. Пыпин, ставший впоследствии академиком, – все они прошли первоначально его школу. И какую школу! Н.Г. Чернышевский, совершенно свободно говоривший на латинском языке, был целиком обязан этим отцу. «Я самоучка во всем, кроме латинского языка, которому хорошо учил меня отец».

Умение работать, многосторонность, внутренняя энергия, способности, получившие у сына совсем иное направление, передались ему от отца.

«Наши матери с утра до ночи работали. Выбившись из сил, отдыхали, читая книги», – вспоминал Чернышевский. Книга была в почете в этой семье. Гавриил Иванович, человек весьма образованный и начитанный, не скупился на приобретение ценных изданий. Дети большею частью были предоставлены самим себе. Матери, погруженные в заботы безденежного хозяйства, могли только урывками уделять им внимание. Прислуга (крепостные

Пыпиных) целиком была занята хозяйственными делами.

Мягкий, всегда сдержанный отец старался не стеснять свободы сына. Любовь беспокойной, болезненной матери, наоборот, была требовательна. И часто в юности Чернышевскому приходилось идти наперекор своим желаниям, чтобы не огорчать мать.

В привычном для себя кругу мальчик был оживлен, весел, разговорчив; в незнакомой среде – робок, застенчив, неловок. Одна особенность, отличавшая его с самого детства, наложила неизгладимый отпечаток на его внешнее поведение. У него была редкая степень близорукости. Он не узнавал в лицо детей, игравших с ним, если не приходилось в игре брать друг друга за руку. Близорукость порождала в мальчике ту связанность, ту напряженность в малознакомом кругу, о которых неизменно пишут знавшие Чернышевского люди. Она же способствовала и некоторой обособленности его, приведшей к развитию ранней серьезности. Но дань детским забавам и играм, – хотя, может быть, и не в полной мере, – все же была отдана Чернышевским.

Зимой одним из самых любимых развлечений было катанье с гор на дровнях. Обычно происходило это без ведома родителей, когда те уходили в гости, поздним вечером. Разогнав дровни, ребята мчались мимо покосившихся домиков вниз. Видимо, Чернышевскому доставляли удовольствие острые ощущения: в конце пути он непременно направлял дровни на высокий выступ, чтобы скатиться с него и пролететь на дровнях через прорубь у берега реки.

Наслушавшись рассказов дворовых людей о кулачных боях, ребята бегали любоваться ими на Воловую улицу. Зрелище это захватывало Чернышевского. Глаза его сверкали, с замиранием сердца следил он каждый раз за ходом битвы, в которой так ярко проявлялись удаля и мужество народа, не знавшего, где применить свою богатырскую силу. Саратов в ту пору был изрядною глушью.

Дома – обыкновенный, скромный (рассудительный, как сказал бы Чернышевский) порядок жизни. Игры, чтение, замкнутый мир священнической семьи с ее несколько обособленными интересами. Церковь, священник, обедня, архиерей, исповедь – вот обычные темы домашних бесед, вот предметы, чаще всего занимавшие мысль и взрослых, и детей.

За очерченным кругом семьи и ее влияний текла другая жизнь, и она не могла не отозваться на мировосприятии чуткого мальчика. Он с ранних лет мог наблюдать, в каком тягостном состоянии живут

низшие слои населения – так называемое «простонародье», как невыносимо гнетет крестьян крепостное право, рекрутчина, произвол и насилие властей. На берегу Волги были раскинуты станы бурлаков и грузчиков, живших в ужасающих условиях и подвергавшихся неслыханной эксплуатации. По Большой Царицынской улице мимо дома Чернышевских гнали партиями «кандальников». За десятилетие, с 1835 по 1845 год, из Саратовской губернии были сосланы в Сибирь за участие в бунтах сотни крестьян.

В жизни города обыденным явлением была так называемая «торговая казнь» (наказание кнутом) или же публичная экзекуция на плацу, где происходило учение солдат. В Саратове в ту пору стоял полк. На плацу производились маршировка и обучение ружейным приемам. Малейшая оплошность солдата влекла за собою немедленное публичное наказание тут же, на месте. Сильно врезались в детское сознание Чернышевского подобные сцены. Отголоски их живут в автобиографическом романе «Пролог», где он изобразил себя под фамилией Волгин.

Примерно с середины 1836 года Гавриил Иванович начал более или менее систематически заниматься с сыном. Отец решил самостоятельно подготовить сына к поступлению в семинарию. Эта задача не представляла для Гавриила Ивановича трудности, так как он обладал не только педагогическим даром, но и некоторым педагогическим опытом. Он свободно читал греческих и латинских классиков, хорошо знал математику, историю, географию. Задачи обучения сына облегчались также редкостными способностями и восприимчивостью ученика. Успехи мальчика обращали на себя внимание всех близких. Родственник его А.Ф. Раев в своих неизданных воспоминаниях пишет об этом периоде: «Без книги в руках трудно было видеть его; он имел ее в руках за завтраком, во время обеда и даже в течение разговора. Читал книги разнообразные, имевшиеся в библиотеке его отца.

Чернышевский в десятилетнем возрасте имел столь обширные и разнообразные сведения, что с ним не могли равняться пятнадцатилетние ученики средних учебных заведений. Привычка к чтению превратилась у него в настоящую страсть, что вызывало протесты со стороны бабушки и, напротив, молчаливое поощрение со стороны отца. С уроками, заданными отцом, мальчик справлялся очень быстро, а затем уходил играть на улицу или садился читать, а то играл в шашки с бабушкой Пелагеей Ивановной, которая за

доскою передавала внуку так хорошо запомнившиеся ему рассказы о старине.

5 сентября 1836 года Гавриил Иванович определил сына в духовное училище. Последовало, в сущности, лишь формальное зачисление его в списки учеников духовного училища, с оговоркою, что он имеет право не посещать школу, занимаясь дома, и обязан лишь держать экзамены. Гавриил Иванович стремился уберечь сына от тягостных впечатлений, какие тот мог бы вынести из училища, где укоренились грубые нравы, телесные наказания и бессмысленная зубрежка.

В семинарии Чернышевский был зачислен в параллельную группу первого (по тогдашней терминологии – низшего) класса, носившего название класса риторики, за которым следовали еще средний класс – философии – и затем высший – специальный класс богословия. Семинария мало могла дать Чернышевскому. По уровню своего развития и знаний он стоял гораздо выше требований, предъявляемых к ученикам. Учиться в ней ему было почти нечему, кроме того, чему не следовало учиться. Семинария с ее схоластическими методами преподавания только отнимала у него время. На уроках он большею частью занимался выписыванием из лексиконов, стремясь расширить свое знание языков. Это осталось в памяти его одноклассников, отмечавших, впрочем, что как бы Чернышевский ни был погружен в свои лингвистические занятия, любой вопрос преподавателя не заставлял его врасплох. Он тотчас отрывался от тетрадей, вставал и отвечал урок, обнаруживая при этом знания, идущие далеко за пределы обычной подготовленности.

Особенно любили ученики, когда наступала очередь Чернышевского отвечать по истории. Обыкновенно эти уроки протекали вяло. Преподаватель был отличным знатоком греческого языка, но историю знал плохо. Ученики скучали в классе, но, когда учитель заставлял отвечать Николая, многолюдный и шумный класс мгновенно затихал. Чернышевский говорил увлекательно и живо, с подробностями, которых не было в учебнике.

Воздействие школьной среды всегда очень ощутительно. Чернышевский попал в школу, когда ему было уже четырнадцать лет, после привычной семейной обстановки он очутился в новой для него среде. Вот каким рисует его один из товарищей по семинарии: «В то время он был несколько более среднего роста, с необыкновенно нежным, женственным лицом; волосы

светложелтые, но волнистые, мягкие и красивые, голос его был тихий, речь приятная, вообще это был юноша, как самая скромная, симпатичная и невольно располагающая к себе девушка. К его несчастью, он был крайне близорук: книжку или тетрадь он держал всегда у самых глаз, а писал всегда, наклонившись к самому столу».

Застенчивый, женственный с виду, близорукий, тихий юноша... Казалось бы, налицо все качества, чтобы стать мишенью для насмешек озорных, грубоватых семинаристов. К тому же роль «первого ученика» в старой школе зачастую не только выделяла, но и отгораживала такого ученика от товарищей. Но с Чернышевским этого не произошло. Он внушал товарищам и любовь, и уважение. Они беспрестанно обращались к нему за помощью, а он в таких случаях был неизменно внимателен и отзывчив.

В декабре 1845 года было подано прошение ученика среднего философского отделения Николая Чернышевского об увольнении из семинарии. «С согласия и позволения родителя моего, протоиерея церкви Нерукотворного Спаса, Гавриила Чернышевского, я желаю продолжать учение в одном из русских императорских университетов».

12 июля, в день своего рождения, Чернышевский подал прошение о поступлении на первое историко-филологическое отделение философского факультета Петербургского университета.

После спокойной, размеренной провинциальной жизни в дружной семье, с ее домовитостью, уютом, хлебосольством, предстояло одинокое на первых порах и скудное студенческое существование. Духовная связь с семьей, традиции, общность представлений – все это было изжито Чернышевским вовсе не сразу, а после длительной и трудной внутренней ломки.

Затем начались занятия. Чернышевский был целиком поглощен университетскими делами. Аккуратно посещал лекции, постепенно знакомился с товарищами, привыкал к университетским порядкам. Восемнадцатилетний Чернышевский был еще во власти религиозных предрассудков, привитых ему в семье. Он просит отца прислать ему роспись всем постам и постным дням, так как намерен строго соблюдать их. Но наряду с этими давно сложившимися представлениями в душе юноши постепенно пробуждаются новые, которым суждено не только вступить в борьбу с прежними, но и решительно преодолеть их.

Совсем не по возрасту были серьезны тогда запросы Чернышевского. Верный «духу студенческого сословия», он

радовался успеху каждого товарища, если даже тот не был знаком ему лично.

Дух застоя и реакции давал чувствовать себя на каждом шагу. Казарма и канцелярия, по выражению Герцена, сделались опорой политической науки Николая I. Пружинами этой «сильной» власти была слепая, лишенная здравого смысла дисциплина в соединении с мертвым формализмом чиновников. Квартальные, говорит Герцен, занимали и университетские кафедры. Гласными и негласными предписаниями, устными и письменными внушениями, «пожеланиями» и указами всякого рода стеснена была деятельность каждого из профессоров. Неудивительно, что у питомцев университета создавалось впечатление, что на филологическом отделении им приходится только даром терять время. Рутинка и формализм, пустословие и буквоедство...

Внешняя жизнь Чернышевского текла очень однообразно. Он ходил на лекции, в библиотеки, встречался с товарищами, спорил, беседовал с ними. Так проходили дни, недели, месяцы. Он регулярно писал письма домой. Очень много читал. И книги заслоняли все. Случится ему достать намеченную книгу – и настроение становится радостным. Наоборот, не удастся достать нужную – он готов впасть в хандру. От посещения театров удерживался, боясь, что театр отвлечет его от занятий. Родителей уверял, что терпеть не может театра. Вознамерился было посещать музыкальные вечера по воскресеньям в университете, но раздумал: нужно было заплатить за зиму три рубля серебром. Лучше потратить их на книги. Университетские танцевальные вечера показались ему просто смешными – и за кавалеров, и за дам выступали студенты. Студенческие пирушки проходили без него. Вина он в рот не брал – нестерпимо скучными считал подобные развлечения. Ходил иногда в гости к землякам, знакомым и друзьям своего отца. Но ведь «есть жизнь другая, жизнь внутренняя, душевная, – писал он А.Н. Пыпину. – Это-то и есть истинная жизнь. В ком есть она, тот занимается внешнею жизнью и заботится о ней только настолько и постольку, чтобы она не мешала внутренней...»

Вот почему с таким стоическим спокойствием переносил Чернышевский все лишения, невзгоды, неурядицы в быту. А их было много. Отсутствие сколько-нибудь свободных денег давало себя чувствовать на каждом шагу. Ему во всем приходилось ограничивать себя, все время изворачиваться, выкраивать рубли и копейки, чтобы сводить концы с концами. К этим грошовым заботам

примешивалось постоянно мучившее его сознание, что родителям недешево обходится его жизнь в Петербурге. Каждый мало-мальски значительный расход был для него очень ощутителен.

Второй год пребывания Чернышевского в университете во многом был сходен с первым. Но были и перемены в его быту - он отделился от родственника Раева, с которым вместе снимал квартиру. Чернышевский нашел урок, стал зарабатывать. Денежные посылки из Саратова приходили теперь реже, и это радовало Чернышевского.

Убеждение его в том, что университет сам по себе не принесет ему большой пользы, окончательно укрепилось. Некоторые лекции он изредка посещал уже не ради самих лекций, а для того, чтобы профессора присмотрелись к нему и не придирались потом на экзаменах. Зато целыми днями просиживал над книгами в Публичной библиотеке и в Румянцевском музее.

Новых знакомств почти не завязывалось. Первое упоминание о литературных проектах и планах носит еще очень неопределенный характер. Сравнительно краток был этот период его юности, потому что духовное развитие Чернышевского шло гигантскими шагами. Он быстро оставлял позади себя людей, на которых вчера еще смотрел снизу-вверх.

Пошел третий год пребывания Чернышевского в университете. Начало занятий не произвело на него никакого впечатления. Опять все те же примелькавшиеся лица однокурсников. По мере того как глубже и глубже впитывает он в себя историю, по-иному начинает воспринимать современность и проникается постепенно горячею верой в будущее. Он пропитывался революционными идеями.

Хотя душа и мысль Чернышевского жили уже далеко за пределами университетских стен, он все же должен был каждодневно посещать лекции, записывать их, подавать профессорам свои работы, ждать их оценки, вникать во все интересы своего курса, вплоть до мелочей. Между тем отношения его с профессорами обострились и, вот-вот готовы были обратиться в ссору.

С 1845 года начало действовать общество Петрашевского. Сначала дело ограничивалось устройством коллективной библиотеки и выписыванием через петербургского книгопродавца Лури запрещенных социалистических изданий. К Петрашевскому приходили побеседовать о новых книгах его знакомые, штатские и военные, молодые офицеры и юнкера, учителя и студенты.

Неустанно деятельный, много потрудившийся над самовоспитанием, Петрашевский был человеком сильной души и большой воли. Будучи прирожденным агитатором и отличаясь кипучей энергией, он всюду завязывал знакомства, ища возможности шире распространить свои заветные мысли.

Среди посещавших его в 1845–1846 годах бывали поэт Плещеев, публицист Милютин, критик В. Майков, будущий автор «России и Европы» Данилевский, Салтыков-Щедрин, гвардейский офицер Момбелли, студент Ханыков... В следующую зиму стали бывать Ф. Достоевский, А. Майков, Энгельсон и другие. Знакомые Петрашевского приводили к нему своих приятелей, появлялись все новые и новые лица, собрания становились оживленнее и разнообразнее. Велись теоретические споры о коммунизме, читались рефераты о политической экономии, о семье и религии, толковали о крепостном праве, о гласности судопроизводства, о свободе печатного слова, о городских новостях и мерах правительства. При всем разномыслии петрашевцев, при всей пестроте состава посетителей его пятниц все же роднило их всех и как-то соединяло общее недовольство существующим порядком, желание перемен и улучшений в России.

Между тем в среде петрашевцев стали обозначаться расхождения, наметились раскол и раздробление, естественные при отсутствии определенной программы и ясных целей. Одни стали поговаривать о тайном обществе и необходимости более решительных действий для подготовки восстания, других, наоборот, пугала всякая мысль о перевороте. Расслоение стало неизбежным.

Благодаря этому обществу двадцатилетний Чернышевский соприкоснулся с левым крылом революционной интеллигенции конца сороковых годов, приглушенная деятельность которой предшествовала гораздо более бурному и неизмеримо более плодотворному идейно-политическому движению шестидесятников, возглавленному впоследствии им самим.

У студентов интерес к политике стал заметно угасать по мере того, как борьба во Франции после революции 1848 года принимала все более плачевный для революционеров оборот. Это нараставшее вокруг безразличие к политической жизни не коснулось Чернышевского. Напротив, его интерес к ней углублялся и становился острее. С неподдельным волнением и трепетом следил он за быстрой сменой событий в потрясенной Европе, и ему хотелось как можно полнее изучить новейшую историю, которая

пролила бы свет на все происходящее, показала бы истинные цели и намерения современников, помогла бы раскрыть подлинный смысл совершающегося.

Желание писать и печататься все сильнее овладевало Чернышевским. Он верил, что недалек, может быть, тот день, когда двери редакций распахнутся перед ним и он войдет в них полноправно и смело. В это время у Чернышевского созрел замысел описать полную драматизма историю, слышанную им от знакомого земляка, – историю одной девушки, попавшей в дурное общество и очутившейся в конце концов на скамье подсудимых.

Писалась «История Жозефины» трудно и медленно. Только предисловие, в котором Чернышевский доказывал необходимость знакомить детей с отрицательными сторонами действительности, вылилось у него свободно и легко. А потом стали одолевать его всевозможные сомнения. Наконец, сдав повесть в «Современник» Чернышевский долго с нетерпением ждал ответа из редакции, но проходили дни и месяцы, а никакого известия не было.

Чем более приближалась пора окончания университета, тем настойчивее вставал перед ним вопрос об избрании будущего пути. Завязать связи с журналами все не удавалось. Ни «Отечественные записки», куда он пробовал обращаться несколько раз с прошлого, 1848 года, ни «Современник», в который он отнес «Историю Жозефины», не открыли перед ним дверей.

Надо было запастись терпением и подумать об иных возможностях зарабатывать на существование. Надо было искать сближения с профессорами факультета и готовиться к научному поприщу. Чернышевский некоторое время работал сотрудником у исследователя Сибири, члена Географического общества И.Д. Булычева, делая выписки различных сведений о Сибири для будущего ученого труда этого исследователя.

Вскоре у Чернышевского снова возникла мысль попытать свои силы в беллетристике. Это была уже третья попытка после «Истории Жозефины». Так возникла повесть, которую он назвал «Теория и практика». Неопытность его как беллетриста сказалась тогда не только в наименовании повести. Тут слишком много рассуждений, сюжет развивается чересчур искусственно, в обрисовке героев преобладает схема. Но этот ранний опыт интересен тем, что отдельные мотивы и общая идея его были впоследствии широко развиты в романе «Что делать?», хотя с первого взгляда кажется, что ничего сходного произведения эти между собою не имеют.

Ранним декабрьским утром 1849 года на Семеновском плацу Петербурга состоялась показательная казнь петрашевцев, в конце заменённая на ссылки в Сибирь и каторгу. Чернышевский остался в стороне, он только краем коснулся общества. Он заканчивал университет и ему предстояло решить вопрос: оставаться ли в Петербурге, или ехать в Саратов и поступать там служить?

Мысли его были уже далеки от университета. Глубоко и по-настоящему его волновало совсем иное. Живая, горячая вера в будущее и крепнувшая воля к действию все более и более сливались воедино. В нем созревали широкие замыслы, начинала бить ключом надежда на неизбежное и близкое пробуждение закабаленного, обманутого народа. Вериги векового рабства не спадают сами собою – их надо сбросить. Право на свободное и разумное развитие не явится само собою – его надо отвоевать. Вот почему в тех случаях, когда ему доводилось говорить на эти темы с людьми из народа, он старался внушить им мысль, что добром они ничего не получают, что должно добиваться силою. Его заветные желания и надежды личного свойства все теснее сливались с мыслями о благе народа и родины.

Университетская пора его жизни окончилась. Из робкого, застенчивого мальчика, каким он явился в Петербург четыре года тому назад в сопровождении матери, Чернышевский превратился в двадцатидвухлетнего юношу с необыкновенно богатым внутренним миром и широким кругозором. Начитанности его мог бы позавидовать любой ученый. При этом ученость его была не отвлеченной, не схоластической, а, напротив, тесно связанной с жизнью. Чернышевский стал собираться в Саратов, чтобы повидать родных. Прожив на родине месяц, Чернышевский вернулся в Петербург, он хлопотал об устройстве на место преподавателя в кадетском корпусе.

Вопреки ожиданиям Чернышевского в январе 1851 года последовал приказ об определении его на должность учителя словесности в Саратовскую гимназию. Там он подружился с известным русским историком Костомаровым. Первые же уроки Николая Гавриловича поразили учеников своей новизной и необычайностью. Устаревший учебник он заменил живой, увлекательной беседой, подробным разбором лучших произведений русской литературы. Чернышевский считал, что недостаточно давать учащимся знания, – надо наряду с этим прививать им честные и благородные убеждения, воспитывать в них общественные

навыки, готовить их к жизненной борьбе, вооружать передовым мировоззрением.

Реакционная часть учительства неприязненно относилась к нововведениям молодого учителя. Особенно резкий отпор встретил он со стороны директора гимназии, он завидовал успехам учеников Чернышевского и их любви к молодому учителю, распространял слухи о том, что Чернышевский занимается в классах революционной пропагандой. Чернышевский понял, что ему придется покинуть гимназию.

Чернышевский пережил несколько увлечений до знакомства в 1853 году с будущей своей женой – Ольгой Сократовной Васильевой. Однако все эти увлечения померкли перед тем чувством глубокой и сильной любви, которое овладело им, когда он познакомился с Ольгой Сократовной. Первая любовь стала для него единственной: он сохранил ее на всю жизнь. И хотя чувство это подвергалось впоследствии многим испытаниям, ничто не могло поколебать его или ослабить хоть на йоту.

Родители Чернышевского сначала отнеслись отрицательно к намерению его жениться на Ольге Сократовне. На них, по-видимому, повлияло то, что обывательская молва рисовала ее чрезмерно бойкой девицей. Николаю Гавриловичу предстояло сломить нежелание родителей. Свадьбу назначили на 29 апреля. Но счастье Чернышевского было омрачено тяжелой болезнью и последовавшей 19 апреля смертью горячо любимой матери.

Через несколько дней после свадьбы Чернышевский с женой выехал в Петербург. В день его отъезда гимназисты теснились, окружая его квартиру, и со слезами проводили его.

За два года, прожитые в Саратове до женитьбы, Чернышевский воочию увидел в глубине России, как тяжела, страшна и безотраднa жизнь народа, каким унижениям и мукам подвергают бесправных, темных, нищих крестьян, вынуждая их трудиться в поте лица для довольства и счастья верхушки общества и теперь он был преисполнен решимости посвятить свои силы борьбе за освобождение родины от гнета и насилия.

«Житейская необходимость» толкала его на путь научно-академической деятельности. Место профессора в университете или место ученого библиотекаря в Публичной библиотеке представлялось тогда Чернышевскому единственно привлекательным, раз уж надлежало служить. Он и надеялся добиться подобного места через год, через два, а до того времени

решил учительствовать в корпусе. Чернышевский начал писать диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», написал несколько популярных статей на эту же тему, предполагая, что ему удастся поместить их в «Отечественных записках». Но реакционные университетские круги и издатель «Отечественных записок» холодно встретили замысел Чернышевского. В эту пору он не отказывался ни от какой работы: уроки, корректура, журнальные рецензии...

Чернышевский явился в редакцию «Современника» осенью 1853 года безвестным рецензентом, ищущим заработка, а Некрасов – редактор журнала с первого же знакомства с ним стал посвящать его во все редакционные дела и затем постепенно предоставлял все больше и больше возможности решительно определять направление «Современника». До конца жизни сохранил Чернышевский благодарную память о Некрасове-человеке и преклонение перед его поэтическим гением. Он считал даже, что всем, что он сделал для родины, он обязан Некрасову.

Благодаря тому, что в редакцию влились новые силы, дело кончилось не падением журнала, а напротив, новым подъемом его авторитета в глазах широких читательских кругов, когда «Современник» стал трибуной, с которой русские передовые публицисты, критики, писатели и поэты выступили на защиту интересов поработанного народа и вдохновляли лучших представителей общества на борьбу с самодержавием и крепостничеством. Начало этому новому подъему было положено Чернышевским, который в поразительно короткий срок занял в «Современнике» руководящее положение. Здесь печатались произведения Герцена, Тургенева, Достоевского, Гончарова, Льва Толстого. Здесь развернулся во всем блеске публицистический талант Чернышевского и Добролюбова. Атмосфера «Современника» позволила развернуться критическому дарованию Чернышевского быстро и полно.

Рецензии и статьи Чернышевского в «Современнике» сразу выделили его среди тогдашних критиков. За каждой строкой его чувствовалась стройная система взглядов на искусство, цельность отношения к явлениям литературы, глубокое знание законов искусства. Он выступил на литературном поприще в период упадка в критике, влачившей после смерти Белинского жалкое существование.

В августе 1854 года, вскоре после рождения сына Александра,

Чернышевские переехали в более просторную квартиру. Здесь образовался кружок молодежи, где Чернышевский развивал те же идеи, что и в своих журнальных статьях, с той разницей, что он говорил перед своими посетителями подробнее и свободнее, не стесняемый цензурными соображениями. Здесь шли вольные беседы на исторические и литературные темы. С жадным вниманием слушали гости Чернышевского все, что он говорил им о Пушкине и Лермонтове, о Гоголе и Белинском. Здесь прививались молодому поколению революционные идеи, распространявшиеся потом юными посетителями Николая Гавриловича дальше, в более широких кругах студенческой молодежи, уже прислушивавшейся к голосу Чернышевского в «Современнике». Популярность его среди передовых слоев общества неизменно ширилась и крепла.

Чернышевский одно время был редактором журнала «Военный сборник». Материалы, печатавшиеся в «Военном сборнике» в период редактирования его Чернышевским, показывали темные стороны внутренних порядков царской армии. Ряд авторов «Военного сборника» поставил на обсуждение важнейшие вопросы: об отмене телесных наказаний в армии, о тягости рекрутчины, о необходимости распространения грамотности и знаний среди низших чинов, о повышении образовательного уровня офицерства и т. п. Редакция журнала не упускала случая напоминать читателям о замечательных традициях выдающихся русских полководцев – Петра I, Суворова, Кутузова и других.

«Военный сборник» выступал с обличениями высшей военной администрации в безответственном отношении к делу, особенно наглядно обнаружившемся во время Крымской войны. В ряде статей проводилась мысль о необходимости воспитания в рядовых солдатах чувства человеческого достоинства, о необходимости искоренения бесчеловечного обращения офицеров с солдатами. Редакция решительно отвергала систему палочной дисциплины и бессмысленной муштры, выступала против «солдатокрадства» (то есть обворовывания солдат вышестоящими чинами). Само собой разумеется, что такое направление, приданное сборнику Чернышевским и его помощниками, не могло не вызвать вскоре же враждебных откликов со стороны реакционных военных кругов.

Статьи Чернышевского по вопросам политической экономии, печатавшиеся в «Современнике», разоблачали феодально-крепостнический уклад тогдашней России и грабительский характер подготовлявшейся правительством крестьянской реформы.

Программа Чернышевского, предусматривавшая свержение царизма и замену его народным правительством, которое осуществило бы национализацию земли и коренную перестройку всех общественных отношений в стране, была на том историческом этапе самой смелой революционной программой.

По мере того как страна вступала в полосу революционной ситуации, по мере того как разрастались крестьянские бунты и во всех слоях общества усиливалось напряженное ожидание развязки крестьянского вопроса, роль Чернышевского, как вождя революционной демократии, становилась все более и более активной. Теперь на вечерах у Чернышевского было многолюдно и шумно: военные, студенты, литераторы, ученые. Зарождение революционной организации «Земля и воля» связано с именами Герцена, Огарева и Чернышевского.

Начало шестидесятых годов было очень плодотворным, но вместе с тем и чрезвычайно трудным периодом для «Современника». Судьба его висела на волоске. Редакция неоднократно получала предупреждения властей о «вредном» направлении журнала, и ему каждодневно грозило если не окончательное, то длительное запрещение.

Судьба к Чернышевскому была чрезвычайно сурова: его арестовали в июле 1862 года и поместили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости после того, как в Петербурге закрыли издание «Современника» из-за странных слухов о поджогах «нигилистов» и предложения А. И. Герцена печатать журнал за границей. И хотя во время следствия никаких связей редакции «Современник» с политической эмиграцией установлено не было, Чернышевского обвинили на основании ложных показаний в авторстве прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» и осудили на семь лет каторги с ссылкой в Сибирь до конца жизни. Измученный семилетней каторгой и долгой ссылкой, в шестьдесят один год он умер от кровоизлияния в мозг после возвращения в родной Саратов

Так и растоптал абсолютизм монархии семейную жизнь одного из самых образованных и талантливых людей России того времени, устроив над автором романа «Что делать», написанного во время следствия, «гражданскую казнь». Его выставили на площади с доской на груди со зловещей надписью: «Государственный преступник», сломали шпагу над головой и несколько часов продержали прикованным цепями к столбу. Когда в тридцать шесть

лет писатель отправился на каторгу, его старшему сыну Александру исполнилось десять лет, младшему Михаилу – шесть, дети лишились своего дома, воспитываясь отныне у родственников и друзей родителей. Ободряющие письма отца поддерживали дух растерзанной семьи, терпевшей материальную нужду и полицейский надзор.

Когда сыновья вступили в подростковый возраст, Чернышевский посвятил их воспитанию на расстоянии много внимания, стараясь в своих письмах оказать влияние на формирование интересов детей, привлекая мысли к философии и истории. В его письмах нет никаких назидательных нотаций, но некоторые советы повторяются. Чаще всего это мысли о самообразовании, с помощью которого можно достичь в жизни многого: «Школьное учение очень недостаточно для юношей, желающих быть образованными людьми».

Его сыновья просили иногда в письмах дать оценку отдельным историческим событиям, и Николай Гаврилович, описывая крестовые походы и другие войны, напоминал им, «... что истина лишь тогда истина, когда она для людей», а «Критериум исторических фактов всех веков и народов – честь и совесть», «Наука, противоречащая гуманности, опасна для человека. Ум учёного – категория нравственная».

Чернышевский считал, что основы нравственности закладываются в семье, и спешил напомнить об этом в письмах своим сыновьям: «Семейная любовь... – самое благотворное из всех добрых чувств человека... Бойкость речи, бойкость характера не ведут ни к чему полезному для людей, если мотивом слов и поступков бывает не чувство любви к людям». «Источник всего хорошего для людей, и в том числе благородных чувств, – добрые отношения человека к его близким, эти обыденные отношения к людям, с которыми живёт человек в одной квартире... Любя когонибудь честным чувством, мы больше, нежели было бы без того, любим и всех людей».

Авторитет умного и высокообразованного отца был так велик в сознании сыновей, унаследовавших от него стремление к знаниям и порядочность, что Александр, проявлявший интерес к математике, посылал ему задачи из области теории чисел. Он был способным математиком, но тяжёлый нервный срыв развил серьёзную болезнь, оборвавшую его жизнь так же рано, как и отцовскую, – в шестьдесят один год. Его брат Михаил прожил дольше, писал стихи, стал

основателем музея своего отца в Саратове и первым издателем Полного собрания сочинений Николая Гавриловича.

Работа над романом «Что делать?» была начата Чернышевским на пятом месяце пребывания в крепости – 14 декабря 1862 года. Он писал его в промежутках между допросами, объявлениями голодовок, составлением протестующих писем к коменданту крепости Сорокину, генерал-губернатору Петербурга Суворову и т. п. Роман по частям пересылался через следственную комиссию в редакцию журнала «Современник».

В романе Чернышевский хотел показать настоящее лицо *новых людей*, с их особой моралью, с их стремлениями и надеждами, со всей сложностью их внутреннего мира; изобразить их схватку с «допотопными» людьми, с отживающим крепостническим обществом не как борьбу отцов и детей, а как столкновение социальных сил.

Таких героев, как Лопухов, Кирсанов, Вера и тем более Рахметов, русская литература до романа Чернышевского не знала вовсе. Необычны были их мысли, поступки, желания, отношения между собой и отношение к жизни, к окружающим. Они не напоминают героев Тургенева. Они внутренне цельны, они люди не только убеждения, но и дела, не только теории, но и практики, материалистической теории и революционной практики. Это была реальная, растущая сила, которая несла с собой освободительные идеи шестидесятых годов. Этим людей, видевших цель и смысл жизни в труде, объединяло стремление сделать всех людей труда свободными, счастливыми и радостными, объединяла ненависть к миру праздной роскоши, к миру эксплуатации, деспотизма и невежества.

Содержание романа, взятое из «семейной жизни», на первый взгляд очень несложно. Но в действительности «женский вопрос» служил только средством выражения более сложных идей. Он дал возможность автору наглядно показать, что степень свободы женщины есть естественное мерило общей свободы. Это было одним из заветнейших и давних убеждений Чернышевского.

Оптимизм, которым проникнут роман, опирается не только на веру в грядущее торжество революции, – герои «Что делать?» радостно сознают себя непосредственными участниками подготовки этой будущей победы. Роман Чернышевского должен был ответить на самый острый, самый важный вопрос, волновавший тогда передовую интеллигенцию, – на вопрос *что делать* для того,